

Для Дольки Апельсина

И тебе всего хорошего

ДЕНЬ 57-Й

Кирилл никогда не любил родной город. Он мечтал сбежать в столицу лет с тринадцати и, когда развелись его родители, недолго думая, собрал вещи и последовал за мамой и ее новым мужем в Москву.

Оставить позади привычное оказалось достаточно просто. Наверное, так поступать и правда легко, когда тебе мало лет. Время течет иначе. О приоритетах еще не задумываешься. Намереваешься брать то, что хочешь, и не понимаешь, что иногда то, что хочешь, — самое страшное проклятие. Из-за проклятий в молодости тоже не паришься. Эта жизнь такая длинная, все успеется и разрешится.

Кир окончил школу, поступил в престижный вуз, научился сочетать обувь с рубашками и привил себе любовь к чистой одежде.

На втором курсе ему предложили пройти стажировку в издательстве отчима. На третьем он уже зарабатывал достаточно, чтобы не захаживать к мамочке с денежными вопросами. В нашей жизни мало кто может похвастаться самостоятельностью

в двадцать три года, но он мог, что ему нехило льстило. Поэтому иногда он вел себя как высокомерный ублюдок. Почти всегда — как закаменелый эгоист.

Время в столице несется торопливо, так что Кир не понимал, когда прозябать в свое удовольствие, но спустя пару лет привык к сумасшедшему ритму, а точнее, научился *притворяться*, что бесконечный ряд проблем, девушек, усталости — норма. Баловень судьбы — люди любили так о нем говорить. Даже его мама, пропустив парочку глотков домашнего вина, такого же приторно-сладкого, как и любая материнская любовь, покачивала головой и признавала, что сынок у нее получился беспечный, но удачливый.

Видеть его на вокзале родного городка было крайне непривычно. Он не навещал отца, не любил ворошить бессмысленные обломки разрушенного и ныне неактуального прошлого. С папой они раз в месяц общались по телефону, и ему, по всей видимости, этого хватало с лихвой. Более того, чем старше он становился, тем короче становились разговоры. Отчим, конечно, не заменил ему родителя, но некоторую пустоту в сознании заполнил, так что однажды Кир забыл, что где-то в пятистах километрах от шумной столицы у него имелся родственник.

Парень зажал в зубах сигарету и закинул на плечо полупустой рюкзак. Он последовал за болтающей толпой к выходу, а затем вызвал такси и весь путь до дома смотрел в открытое окно, лениво вы-

дыхая плотные шары дыма, которые подхватывал и уносил ветер. Пепел сыпался на джинсы и пластмассовый подлокотник. Кир не обращал внимания. Все его мысли занимала грядущая встреча с отцом. Еще он надеялся хорошенько отдохнуть. Отключить связь с внешним миром и на пару суток впасть в летаргический сон — умереть для всех. Даже для себя.

— Дом по правой стороне или по левой? — неожиданно спросил водитель, перебив свист ветра и гул проносящихся машин. Кир так глубоко затянулся, что горло засадило, а затем небрежно выбросил окурочок.

— По левой.

— Ближе к озеру?

— Я скажу, когда сворачивать.

— Отлично.

«Отлично», — подумал парень и смахнул со лба волосы. В салоне было так мало места, что колени едва ли не задевали грудь. Чехлы сиденья давно стерлись, выцвели, окно с его стороны не закрывалось, потому что ручка висела на каких-то нитках. Интересная у этого мужика жизнь, раз все его устраивает и язык не ломается при слове «отлично». Впрочем, без разницы. Кир расплатился, вышел из такси и закурил еще одну сигарету, уставившись на металлическую дверь, кирпичные стены, квадратные окна с коваными решетками и развесистый тополь. Отец жил в коттедже, который делили две семьи. Справа стоял шикарный внедорожник, слева — ржавый вишневый седан, и, несмотря на

то что папа работал практикующим хирургом в областной поликлинике, ему принадлежала именно старая развалюха. Он разъезжал на ней уже почти восемь лет, и, видимо, его ничуть не смущала ободранная краска, изъеденная временем.

Парень посмотрел на часы. Около десяти вечера. Самое время свалиться в постель и как следует выспаться. Он затушил ногой окурок, прошел к входной двери и нажал на звонок. Невольно поглядел на детскую площадку, где до сих пор носились беспризорные дети, и вспомнил, как сам раскачивался на веревках и бегал за гаражи, пока мама выкрикивала его имя с балкона.

Дверь открылась с скрипящим скрипом, и перед Кириллом появился Альберт Бродский.

Мужчина вцепился пальцами в позолоченную ручку, вскинул брови и уставился на сына таким изумленным взглядом, будто под конец весны все улицы замело грязным снегом. В его красивых глазах пронеслось что-то близкое, знакомое. У парня даже в горле запершило. Отец наверняка собирался что-то сказать, но рот у него то открывался, то закрывался, как поломанный механизм, и он продолжал молча пялиться на гостя, ничего не понимая.

— Я не вовремя?

— Ты? — Альберт надрывно усмехнулся. — Ерунду не говори!

— Я пройду?

Кир не дождался разрешения. Переступил порог и прошел в узкий коридор, такой же темный и длинный, каким он его запомнил. Папа тоже почти не

изменился. Его белым футболкам, пожелтевшим от времени, и твидовым дешевым штанам, кажется, не было счету. Правда, темно-русые волосы покрылись седыми полосками. Да и морщин на круглом добром лице помножилось. На цепочке висели очки с узкими прямоугольными стеклышками. Он любил в них читать заумные книжки. По правде говоря, на отца Кирилл не был похож, пошел в маму с ее острым лицом, соколиным носом и широкими плечами, которые у девчонки смотрелись достаточно нелепо. Но стоило ему напялить очки, чем в школе он занимался ежедневно, и сходство поражало даже знакомых.

Альберт закрыл дверь и, стесняясь, спрятал в карманы гигантские ладони. В детстве Киру казалось, что этими ладонями можно раздавить человеческий череп, и он не сомневался, что именно этим его папа и занимался на работе, ведь на балконе, оборудованном под его личный кабинет, вечно валялись книги с жуткими картинками внутренних органов.

— Какими судьбами? — вдохновенно воскликнул мужчина и вытащил руки из карманов, но лишь затем, чтобы сложить их на груди. — С мамой все хорошо?

— Ага.

— А с этим... ну с ним.

— Они оба в порядке. — Кирилл стащил рюкзак и осмотрелся. На втором этаже находилась его спальня. Лет в одиннадцать Кир завесил ее постерами музыкальных групп. Почему-то он не сомневался, что постеры до сих пор висят на стенах. — Решил на время сбежать из Москвы. Не против?

— Спрашиваешь? Я сто лет тебя не видел, ты ведь... — мужчина запнулся. В тусклом свете нельзя было разглядеть всех эмоций, полыхнувших в его серых глазах, но пронеслось их много. Даже слишком. Он поджал губы и махнул рукой, словно этот разговор не заставлял его сердце барабанить по ребрам. — Неплохо выглядишь. Уставший, правда.

— На работе вымотался.

— Какие-то сложности?

— Да нет.

— Так да или нет?

— Нет.

— Уверен? Под глазами два фингала. Не дает столица продышаться, верно? Ловушка для наивных обывателей. Красивая картинка, а за ней бесконечные проблемы.

В ответ Кир лишь равнодушно хмыкнул.

— И как Оля допустила такие лохмы у тебя на макушке?

— А каким образом ее касаются мои лохмы?

— Повзрослел, значит.

— Вроде того, — холодно ухмыльнулся Кирилл. — Я поднимусь?

— Конечно!

— Хочу душ принять. Из еды что-нибудь найдется?

— Да-да, иди, я просто... ты врасплох меня застал, я даже не думал... — Альберт шагнул в сторону кухни, но остановился и досадливо растянул: — Я совсем тебя не ждал. Неделями торчу в приемной, взял себе несколько ночных смен на

этих выходных. Знал бы, что ты ко мне нагрянешь, забил бы свободное воскресенье. Хотя, может, попробую и так забить.

— Пап...

— За свой счет возьму.

— Не парься, ладно? — Кирилл повесил рюкзак обратно на плечо. — Все путем.

— Ты точно в порядке? Глаза у тебя какие-то...

Парень замер. Отец так посмотрел на него, будто все увидел. Все понял.

— Какие? — как можно спокойнее поинтересовался он и сдвинул в пальцах ремень. Узкий коридор вмиг показался нестерпимо крошечным, просто издевательски маленьким.

— Грустные они.

— Не выдумывай.

— Поднимайся, а я внизу подожду. Еще не поздно, так что...

Не поздно для чая или вернуть их былое общение? Отец так и не закончил мысль. Подошел к сыну и внезапно крепко обнял его.

Кирилл же, смутившись, похлопал его по лопатке.

— Рад, что ты приехал, — сказал Бродский-старший и направился на кухню, а парень кивнул и сдвинул переносицу. Разумеется, отец рад ему. На что еще он рассчитывал?

Кирилл поднялся по широкой лестнице и остановился, услышав шорох. Клацанье чьих-то когтей о деревянный паркет. Он оглянулся и удивленно вскинул брови:

— Джамбо?